

А. П. Черных
(Москва)

МИКРОЗНАКИ В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ*

Попытки ответить на вопрос: «С какого момента началась политизация визуального общественного пространства?» – заставляют вспомнить о повседневной индивидуальной визуализации и способах её выражения. Для малых эмблематических форм я воспользовался термином «микрознаки», заимствованным у Эмманюэля Фюрекса, относящего к микрознакам кокарды, ленты и прочие знаки, «которые служат зримыми воплощениями политических убеждений»¹. В XIX веке (именно этому времени посвящён труд Фюрекса) таковыми были в первую очередь знаки политических партий, но по отношению к Средневековью термин «политическая партия» выглядит анахронично.

Мы обычно представляем себе повседневный облик средневекового человека лишённым эмблематических излишеств, поскольку судим о нём по миниатюрам, где этих подробностей просто нет. Тем не менее они могли быть.

Средневековые микрознаки предназначались для ношения на одежде и головном уборе. В основном они отливались из свинца и олова с последующей доработкой. Большинство сохранившихся знаков были дешёвыми, но материалом для них служило и серебро, и в отдельных случаях даже золото.

Ныне восприятие шляпы как социально значимого индикатора особы, чью голову она увенчивает, утрачено. А в Средние века, когда костюм был не просто одеждой, он сообщал многое для распознавания личности его носителя, и его язык был более верным, чем произносимые слова. Расположение знаков на тулье или вывернутых полях шляпы весьма для этого подходило. Общее назначение, я бы сказал, культура микрознаков относительно ясна в целом, но в том, что касается отдельных знаков, их смысл нам не всегда доступен.

Историография темы средневековых микрознаков велика: это и англоязычные, и французские, и немецкие труды. Из новейших исследований отметим работы Брайана Спенсера² и Энн Мэри Расмуссен³, серию статей главного хранителя Музея декоративного искусства в Париже Дени Брюна⁴, электронные публикации Мариэль Бри⁵ и другие. В обзорной искусствоведческой статье отечественного автора Анны Алексеевны Троицкой⁶ наиболее ценной представляется мысль о переходе паломнического знака в статус знака личной идентификации владельца⁷.

Отдельного упоминания заслуживает германский сайт «Pilgerzeichen» – база данных Средневековья, в которой собраны паломнические знаки с XI по начало XVI века.

* В настоящей статье сохранено авторское использование буквы «ё». – *Примеч. ред.*

Её появление связано с именем Курта Кёстера (Kurt Köster; 1912–1986), в частности с его каталогом паломнических знаков, хранящихся в Германском национальном музее в Нюрнберге. После смерти К. Кёстера его вдова передала все материалы в архив этого музея: указатель к 3262 паломническим знакам, 1765 оттисков знаков с колоколов, 227 архивных свидетельств и собрание литературы – полную библиографию исследований паломничеств⁸.

Идея общедоступной базы паломнических знаков возникла в 2001 году на семинаре в Университете Гумбольдта. В 2021 году база перешла в ведение международного проекта Единой библиотечной сети GBV (VZG) в Гёттингене. В базе данных описан каждый паломнический знак: его внешний вид, размеры и состояние, указано место находки, учтены изображения на картинах, гравюрах или в молитвенниках. Ссылки на эту базу в научном смысле вполне достоверны, она доступна для исследований и обучения. Коммерческое использование содержащейся в ней информации запрещено. Сегодня этот ресурс можно считать образцовым.

Хронологически расцвет производства и обращения средневековых микрознаков относится к XII – началу XVI века. В 1199 году папа Иннокентий III разрешил отливать и продавать в Ватикане «свинцовые и оловянные знаки с изображениями апостолов Петра и Павла, предназначенные для усиления чувств посетителей и в доказательство совершения ими путешествия»⁹.

Знаки паломничества (*enseignes de pèlerinage*, *Pilgerzeichen*) – небольшие металлические отливки с изображением почитаемого святого или культового предмета – продавались в местах паломничеств с середины XII века. Уносимые пилигримами, они были как бы частью святого места, сохраняли в себе долю присущей ему благодати.

Знаки-реликвии передавали часть своих чудесных свойств носителям знака. С другой стороны, поскольку паломничество было богоугодным делом и воспринималось обществом положительно, свидетельство совершения паломничества к реликвии добавляло индивиду социальный вес. Невзирая на массовое производство, знак паломничества к реликвии получил статус, близкий к самой реликвии как некая её эманация – как для того, кто его носит, так и для тех, кто на него смотрит. Паломники находились под защитой канонического права. Идентификация посредством знака давала паломнику при определённых обстоятельствах некие преимущества, например бесплатное проживание и питание.

Богатство изображений на этих знаках огромно, от высоких – Богородицы, Христа и св. Иакова из Компостеллы, известных и неизвестных святых – до таких, которым место в концепции Михаила Бахтина о наличии в культуре Средневековья верха и низа, причём располагающихся в этой концепции отнюдь не наверху.

Первоначально знаком совершения паломничества в святилище Сантьяго-де-Компостелла служили сами раковины св. Иакова, являющиеся его атрибутом, затем – их изображения. Раковина появилась как первый европейский знак паломничества. Число идущих к Сантьяго росло, и трудно было снабдить раковинами всех паломников. Решение пришло в XI веке с созданием металлических отливок, что было просто и финансово доступно любому кошельку. В результате паломники стали возвращаться с прикрепленным к одежде или шляпе знаком раковины.

Примеры ношения этих знаков на одежде, что делало их предельно видимыми, заметными, говорят о том, что они были обращены в пространство социальной коммуникации.

Роль таких предметов в пропаганде веры понятна, но я говорю не об этом, а о них как о компонентах эмблематического пространства.

С XIV века наряду с южным направлением получили распространение паломничества на восток и север Европы – к другим мощам и святыням со своими чудесами и чудотворными образами. В этих местах тоже стали изготавливать и продавать знаки паломников. В Центральной Германии их делали также в виде брактеатов.

Паломнические знаки распространены в Европе повсеместно. В конце XX века в Ренне и у Мон-Сен-Мишель были откопаны многочисленные литейные формы для этих знаков, свидетельствующие о наличии развитой ремесленной отрасли. Торговля ими процветала, и продукция стала по-настоящему массовой. Цифры впечатляют: Констанцская хроника отмечает в 1466 году продажу 130 тысяч паломнических знаков в швейцарском бенедиктинском монастыре Марии Эйнзидельн только за две праздничные недели (Engelweihfestes). Между 1519 и 1524 годами паломникам к Деве Марии в Регенсбурге было продано 50 тысяч свинцовых и 18 тысяч серебряных знаков. Эти цифры, конечно, исключительные, но, как правило, и в святых местах продавалось от одной до двух тысяч знаков в год.

Сегодня в музейных и частных собраниях учтено более двадцати тысяч таких паломнических и светских микрознаков. Наиболее представительное собрание знаков позднего Средневековья, насчитывающее более четырех тысяч экземпляров, – частная коллекция ван Бёнингена. За последние тридцать лет тысячи знаков были найдены с помощью металлоискателей в Нидерландах и Фландрии. Можно предположить, что общее количество изготовленных паломнических знаков составляло несколько миллионов экземпляров¹⁰.

По форме многие из них похожи на средневековые печати – челночком, четырёхлепестковые. Сбоку большинства знаков имеются маленькие проушины, с помощью которых их можно крепить к ткани. Наряду со знаками паломничества (размерами обычно от 2,5 до 5,0 см), напоминающими современные значки, существовали и круглые пуговицы-знаки (boutons-enseignes). Они делались из того же материала, и их иконография близка к знакам паломничества. По содержанию некоторые из них напоминают «герб» Христа с набором Орудий Страстей. Они тоже могли носиться пришитыми к одежде или в виде подвесок, тоже производились серийно, тоже были ориентированы на местных святых. Возможно, такие предметы являют собой одну из разновидностей паломнических знаков; их круглая форма могла быть связана с содержанием: например, известные с XIII века изготовленные в Амьене знаки с изображением головы Иоанна Крестителя, главной реликвии города, повторяли круглую форму блюда, на котором покоилась голова святого¹¹.

Сотни таких знаков были найдены в XIX веке в процессе углубления русла рек, когда работала драга, и при реконструкции берегов («свинец из Сень»). Они исследовались ещё Артуром Форже¹² и послужили основанием для гипотезы о намеренном выбрасывании знаков пилигримов в воду при загадывании желания и чтении молитвы, подобно обычаю бросать монеты «на счастье». Предположение кажется малоубедительным, особенно если учитывать известные примеры бережного хранения знаков. К тому же попадание политических знаков в водоёмы объясняют желанием избавиться от компрометирующего предмета в целях безопасности («лучше знак, чем я сам»).

Некоторые знаки во второй половине XV века (около 1480–1490) зафиксированы в часовниках – возможно, потому, что паломнический знак отчасти превратился в признак истинного христианина. Листочек штампованного ценного металла с отверстиями по краям крепился на листы кодекса, заполняя поля или даже целые страницы. Таких в реках никогда не находят, они предназначались для высоких особ – заказчиков часовников. Знаки пилигримов, их отпечатки и следы крепления к странице встречаются в рукописных книгах второй половины XV века (Часослов Энгельберта Нассау, 1470–1490; Часослов Хуаны Кастильской, 1496–1506). Они могли оказаться и в пространстве частного дома: их вешали на стену как моленные образы в любом месте, где требовалось их благотворное воздействие¹³.

Богатые горожане и знать могли позволить себе знаки из золота, серебра, с эмалью и носили их так же – прикрепленными к шляпам и одежде. Известно, что при посещении церкви Пресвятой Девы Марии в Булони в 1420 году герцог и герцогиня Бургундские приобрели шестнадцать серебряных знаков, а во время посещения того же места в 1456 году граф Шароле купил пять золотых знаков паломника¹⁴. Правда, христианского смирения и скромности никто не отменял: например, Людовик XI (1423–1483) носил на шляпе и одежде знаки из свинца.

Зачем их носил человек Средневековья?

Каждый паломнический знак представлял собой или, если угодно, визуализировал благочестивое путешествие. Он мог быть поводом для раздумий о средневековой религиозной повседневности и не являлся сувениром: французское слово *souvenir*, означает «воспоминание», а эти знаки – больше, чем воспоминание или вещественное доказательство посещения, это визуализация благодати святого места. Каждое такое место имело свои знаки, по которым можно было узнать, где побывал паломник, – как в культуре 1950–1960-х годов по гостиничным наклейкам на чемодане.

Но если имеет смысл так думать о паломнических знаках, то к политическим это вовсе не подходит. Профанные знаки, подчас высоко «политизированные», родились из долгой практики ношения паломнических знаков, которая подготовила почву для ношения знаков светских.

Одно из известных политических противостояний – гвельфы и гибеллины – обозначало себя целым рядом визуальных признаков. Но их микрознаки мне неизвестны.

Профанные, или светские, микрознаки, отмеченные ещё во второй половине XII века, особое распространение получили в первой половине XV века, во времена Столетней войны, в пору противостояния англичан, бургундцев и сторонников дофина.

Мариель Бри в посвящённых этим знакам статьях называет их *enseignes*. Она справедливо считает «политические» знаки менее многочисленными, чем паломнические, но иногда более загадочными. К ним она относит, в частности, ливрейные знаки (*enseignes de livrée*). Ливрея и сама по себе была сильным визуальным признаком, выражавшим своими цветами герб сеньора, в качестве какового и носилась. Понятно, что носить ливрею не было обычаем мелких вассалов, этой возможностью пользовался сюзерен, подчас облачавший в ливрею и своих должностных лиц. Иногда эмблема, как впоследствии и изобразительный девиз, представляла собой игру слов и букв, своего рода ребус, как кабан в ливрейном знаке Ричарда III Йоркского (1452–1485) или воображаемый гласный рог папы Корнелия (252–253). Изобразительные девизы были личными и характеризовали индивида – во всяком случае, первоначально. Они

могли трансформироваться в ливрейные знаки, которые стали знаками политического и индивидуального распознавания. Например, у брата Генриха VIII, Артура Тюдора (1486–1502), это был пучок стрел.

Если знак паломничества свидетельствовал о пребывании в знаменитых святилищах, то ливрейный знак сообщал о социальных предпочтениях. Профанный знак мог быть скромным или роскошным. М. Бри считает, что его ношение говорило о принадлежности к сообществу¹⁵, однако мне кажется, что можно предположить наличие большей личностной составляющей. А знаки, изготовленные из ценного металла, могли быть подарком сюзерена своим верным, и тогда это был знак сторонника, приверженца – возможно, и небезопасный в ношении предмет гордости¹⁶.

Автор «*Journal d'un Bourgeois de Paris*» отмечал, что арманьяки распространили свои знаки по всему Парижу¹⁷. Конфликт арманьяков и бургундцев в ходе Столетней войны по ожесточённости становился всё более похожим не на красивую феодальную, а на гражданскую войну.

Главным визуальным элементом микрознаков сторонников дофина были геральдические лилии, сопровождаемые дельфином в его специфическом средневековом исполнении. Появление дельфина вполне логично: он был гербом Дофинэ, держания наследника французского престола, и титульным гербом самого дофина до восшествия на трон.

Микрознаки сторонников Бургундии имели образ св. Андрея, косой крест, рубанок и уровень. Св. Андрей – небесный покровитель Бургундии, и его фигура и косой крест не вызывают вопросов. Менее очевидно значение рубанка и строительного уровня. Эти изобразительные девизы Бургундии известны по маргиналиям изданий, посвящённых герцогству; есть портреты герцогов в мантии, усеянной золотыми рубанками. Современники объясняли наличие рубанков довольно образно: мы состругаем все «политические неровности» с наших противников; политическое устройство герцогства настолько совершенно, что гарантирует выравнивание всех проблем, приведение всех противоречий в равновесное и правильное состояние.

Таким образом, два довольно мирных изобразительных девиза имели значения наступательного характера. Важно то, что они носились видимыми, они и были сознательной демонстрацией приверженности. Причём на языке, понятном абсолютно всем.

Профанные знаки многочисленны, но «политическими» они не исчерпываются.

Я уже упомянул светские знаки, жалованные сеньором своим сторонникам и приближённым. Возможно, что существовали и знаки, посвящённые крупному событию, коммеморативные.

Должностные знаки – с изображением меча – относились больше к должности, чем к личности (с мечом мог быть и паломнический знак Томаса Бекета). Впоследствии они могли превращаться в гербы. Подобная судьба, возможно, была и у микрознаков.

Близки к должностным знаки корпоративные. Известен, например, групповой портрет милиционной гильдии арбалетчиков Амстердама, где на одеяниях виден знак арбалета и герб покровителя, св. Георгия (Корнелис Антониус; около 1505–1553. Пир городской стражи арбалетчиков Амстердама. 1533¹⁸). Но похоже, что изучены они ещё хуже, чем пилигримские и «политические».

Многие настаивают на том, что средневековые знаки, будь то религиозные или мирские, означали принадлежность к сообществу. Но ведь это вопрос о роли средневековых

знаков в визуальной коммуникации и о мотивации их применения. Если с религиозными знаками один ответ, то с мирскими дело обстоит иначе. Заявления об историческом использовании такого рода визуальных маркеров в качестве показателей общности, слоёв или иерархии – это не более чем общие слова. Скорее эти два вида микрознаков были в числе немногих способов выразить человека как индивида – не представителя рода или ордена, а именно как индивида.

Народ, как пишет Э. Фюрекс, воспринимает политическую реальность с помощью видимых знаков¹⁹. Но возможно, что если для XIX века имеет смысл рассуждать о грамотных и неграмотных, то для эмблематического пространства Средневековья совершенно неважно, умеет большинство людей читать или нет.

Эти микрознаки существовали в эмблематическом пространстве, в котором были и другие микрознаки: собачьи медальоны, знаки ловчих птиц, элементы оформления конской сбруи²⁰. Собачьи медальоны от рассмотренных мною отличались тем, что имели изображение родового герба (средневековый герб был достоянием рода, а не исключительно индивида), а не знак какой-либо большой общности вне кровного родства. И, кроме того, – что, на мой взгляд, даже важнее, – они носились не человеком, а животными и потому не служили дополнительными личностными идентификаторами.

Непреодолимой границы между геральдическими изображениями и этими знаками нет, что видно по литейным шаблонам для отливки паломнических знаков с изображениями святых Гавриила и Михаила и геральдических лилий, которые в данном случае имеют характер марианской, а не королевской эмблематики. Светские знаки насыщены геральдическими изображениями.

Важно и то, что рассмотренные мною микрознаки относятся не к репрезентативному, как многие другие примеры эмблематических визуализаций, а к повседневному облику средневекового человечества, они были частью обычной, повседневной жизни.

Я ни в малейшей мере не ставил целью даже отдалённо попытаться представить все знаки европейских паломничеств и партий. Их много, и касающиеся их темы имеют свою солидную историографию. Я не хочу опровергать аксиому, что в средневековом обществе коллективное преобладало над индивидуальным. Но и игнорировать характерный индивидуализирующий аспект, выраженный микрознаками, я тоже не считаю правильным.

Можно предположить, что микрознаки – это не новое, а вполне средневековое пространство индивидуального. Мой вывод состоит в том, что в XIII–XV веках формировалось некое поле, в котором индивидуальность могла найти себе выражение – и это поле было обозначено и выражено микрознаками. Ношение паломником знака демонстрировало факт посещения святого места лично им, без всякого намёка на коллектив. Моей целью было подчеркнуть, что материальные памятники, относящиеся к эмблематическому пространству, к культуре визуальных признаков, могут существенно корректировать наши представления и делать их более адекватными подлинному историческому процессу. Представлять эпоху Средневековья исключительно коллективистской удобно и соблазнительно, тем более в наши времена с их культивированием индивидуализма – это ещё одна строка в «чёрную легенду» Средневековья. Но в действительности всё было по-другому. И памятники, о которых я упомянул, – неоспоримое тому доказательство.

- ¹ Фюркс Э. Оскорбленный взор : Политическое иконоборчество после Французской революции / пер. с фр. В. Мильчиной. М., 2022. С. 118.
- ² Spencer B. Pilgrim souvenirs and secular badges / Museum of London. London, 1998.
- ³ Rasmussen A. M. Medieval Badges : Their Wearers and Their Worlds / University of Pennsylvania Press. Philadelphia, 2021. (The Middle Ages Series).
- ⁴ Bruna D. De L'agréable à L'utile : Le bijou emblématique à la fin du Moyen Age // Revue Historique. 1999. Vol. 301, N 1 (609). P. 3–22; *Idem*. Les enseignes de pèlerinage et les coquilles Saint-Jacques dans les sépultures du Moyen Age en Europe occidentale // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France, 1991. 1993. P. 178–190; *Idem*. Les récentes acquisitions d'enseignes de pèlerinage et d'enseignes profanes au Musée national du Moyen Age // *Ibid*, 1995. 1997. P. 349–360; *Idem*. Un moule pour enseignes de pèlerinage à l'image de la «Belle Vierge» de Rastisbonne // *Ibid*. 1992. 1994. P. 317–324.
- ⁵ Brie M. Les enseignes de chapeau profanes // Marielle Brie : Historienne de l'art pour le marché de l'art et les médias culturels. 2019. 20 mai. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mariellebrie.com/les-enseignes-de-chapeau-profanes/> (дата обращения: 31.10.2022); *Eadem*. Les enseignes de pèlerinage médiévales // *Ibid*. 2019. 23 avril. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mariellebrie.com/les-enseignes-de-pelerinage-medievales/> (дата обращения: 31.10.2022).
- ⁶ Троицкая А. А. Знаки пилигримов в контексте европейских культурных практик // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 3. С. 266–273.
- ⁷ Там же. С. 270.
- ⁸ Brückner W. Projekt die kartei Kurt Köster // Pilgerzeichen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pilgerzeichen.de/ueber-das-projekt/die-kartei-kurt-koester> (дата обращения: 06.11.2022).
- ⁹ Spencer B. *Op. cit.* P. 141.
- ¹⁰ Pilgerzeichen. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pilgerzeichen.de/> (дата обращения: 8.11.2022).
- ¹¹ Троицкая А. А. Указ. соч. С. 269.
- ¹² Forgeais A. Collection de Plombs Historiés trouvés dans la Seine. Sér. 2. Paris, 1863.
- ¹³ Троицкая А. А. Указ. соч. С. 268.
- ¹⁴ Evans J. A History of Jewellery, 1100–1870. London, 1970. P. 79. Цит. по: Троицкая А. А. Указ. соч. С. 269.
- ¹⁵ *Ibid*.
- ¹⁶ *Ibid*.
- ¹⁷ *Ibid*.
- ¹⁸ Амстердамский музей, инв. № К СА 7279 (см.: Rasmussen A. M. Medieval Badges : Their Wearers and Their Worlds / University of Pennsylvania Press. Philadelphia, 2021).
- ¹⁹ Фюркс Э. Указ. соч. С. 152.
- ²⁰ Черных А. П. Гербовые подвески и собачьи медальоны // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : Материалы XXIX Международной научной конференции (Москва, 13–15 апреля 2017 г.) / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Ист.-арх. ин-т; Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук; Ин-т всеобщей истории; Музеи Московского Кремля. М., 2017. С. 333–335.